

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
доктора филологических наук, доцента Дзюбы Елены Вячеславовны
о диссертации Нееловой Ольги Игоревны «Моделирование
медиапортрета региона: семантика и прагматика», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Бесспорным фактом является то, что острые социальные и политические события отражаются в языке и речевой коммуникации в виде словообразовательных, лексических, фразеологических и даже синтаксических новообразований, в виде ярких метафорических высказываний, отражающих отношение носителей языка к происходящим событиям и привлекающих внимание широкой читательской аудитории, если мнения и оценки выражаются в медиатексте. Ситуация присоединения Крыма к России, безусловно, для многих политических субъектов в мире явилась, как сегодня можно говорить, своеобразным триггером, вызывающим острую негативную реакцию и получившим колоссальную по своему масштабу реакцию общественности и СМИ. Конечно, реакция на присоединение Крыма в разных социальных и политических кругах была и есть неоднозначна. Об этом свидетельствует уже сама номинация процесса включения Крыма в состав РФ. В газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка выражение *аннексия Крыма* представлено 58 документами и 59 вхождениями; *оккупация Крыма* – 11 документами и 11 вхождениями; нейтральное *присоединение Крыма* – 544 документами и 597 вхождениями. Эти количественные данные только о фактах русскоязычного газетного дискурса, представляющих процесс объединения в негативном или нейтральном ключе, уже свидетельствуют о наличии разных мнений относительно рассматриваемой политической ситуации.

Очевидно, что каждая позиция, выраженная в медиатекстах, опирается на свои доводы и находит свои языковые средства убеждения. Именно этой **актуальной проблеме** – выявлению семантико-прагматических особенностей языковых единиц образной системы как составляющих медиапортрета Крыма – посвящено диссертационное исследование Ольги Игоревны Нееловой.

Во введении традиционно автор отмечает цель и задачи исследования, определяет объект и предмет, указывает на научную новизну результатов исследования, устанавливает теоретическую и практическую значимость работы. В паспортной части диссертант также определяет источники анализируемого материала – тексты региональных и федеральных СМИ с 2011 по 2021 гг., что вызывает закономерный вопрос относительно указанных хронологических границ: *почему автор сосредоточивает внимание на текстах с 2011, а не с 2014 года, когда был проведен референдум, по результатам которого Крым вошел в состав РФ*. Вызывает вопрос и отбор самих медиапродуктов: *чем обусловлен выбор именно этих СМИ, проводился ли какой-либо дополнительный анализ популярности газет и Интернет-ресурсов, обращался ли автор к данным каких-либо аналитических агентств*, представляющих статистику популярности избранных источников (например:

<https://integrum.ru/> или под.). Попутно заметим, что в диссертации не нашло отражение сопоставление результатов исследования новообразований и метафорических употреблений в текстах региональных и федеральных СМИ. **Что все-таки общего и что различного в представлении образа Крыма у региональных и федеральных СМИ?**

В целом введение написано по стандартной форме, в нем имеются все обязательные части «паспорта» диссертации. Однако формулировки некоторых структурных элементов вызывают замечания: неконкретно, на наш взгляд, сформулирован **предмет исследования** на стр. 6 дис., ср: «...особенности реализации языковых единиц, моделирующих образ Крыма в русскоязычном медиапространстве 2011–2021 гг.». Неясно, на каких конкретно особенностях: фонетических, словообразовательных, синтаксических, семантических, этимологических (происхождение неологизмов), прагматических, аксиологических – сосредоточивает внимание автор. Некоторые уточнения читатель может получить из формулировки цели («выявление и описание семантико-прагматического потенциала языковых единиц, участвующих в моделировании медиапортрета Республики Крым 2011–2021 гг.») и из дальнейшего текста, точнее – тех его фрагментов, где речь идет об аксиологических и лингвокультурных особенностях. Иными словами, автор проводит комплексный анализ, о чем заявляет только в формулировке научной новизны. Между тем, все компоненты введения должны быть содержательно взаимообусловленными.

Среди методов исследования (стр. 8 дис.) необходимо также назвать структурно-семантический, поскольку внимание во второй главе сосредоточено на словообразовательных моделях неологизмов / окказионализмов; упомянутый метод моделирования правильнее обозначить конкретно – методом метафорического моделирования, поскольку в работе задействована именно эта разновидность метода когнитивного моделирования, в данном случае – реконструкция медиапортрета.

Относительно положений, выносимых на защиту, выскажем следующее: неотчетливо выражена научная новизна положения № 1; довольно обобщенно и «обзорно» сформулировано положение № 3: частично оно раскрывается в следующем, четвертом, положении, однако его следовало бы сконцентрировать только вокруг проблемы образных номинаций и функций образных средств, возможно, перенести в конец списка; положение № 4 тоже недостаточно конкретно сформулировано: богатый деривационный потенциал заявлен, но не раскрыт, не обозначены наиболее продуктивные модели новообразований в зависимости от сферы употребления. Положения, выносимые на защиту, должны отражать конкретные результаты исследования, свидетельствовать о конкретных достижениях диссертанта, они не должны быть обобщенными.

Формулировка научной новизны также отличается обобщенным характером. Например, автор отмечает: «Расширены представления о лингвистическом медиапортретировании», но, за счет чего они расширены, не поясняет; диссертант указывает: «Уточнены особенности деривационного потенциала и образной организации рассматриваемых феноменов», но не уточняет, в чем

суть этих особенностей, какой конкретно образ рисуется, в чем конкретно заключается деривационный потенциал.

В заключительной рубрике введения О.И. Неелова уточняет: объем диссертации составляет 163 страницы, между тем, текст диссертации без библиографии и приложений составляет 125 страниц, что в целом позволяет автору делать комментарии более развернутыми и конкретными.

В первой главе «Теоретические основы моделирования медиапортрета республики Крым» автор сопоставляет точки зрения на дискурс, высказанные разными учеными, останавливаясь на концепции Н. Д. Арутюновой, предполагающей тесную связь дискурса с актуальной, реальной речевой практикой. Диссертант указывает на специфику формирования и бытования медийного дискурса в трех ипостасях: коммерческой, общественной, государственной. Теоретическая часть работы изложена последовательно и логично, однако она не остается без некоторых частных замечаний и вопросов.

При характеристике современных СМИ диссертант опирается на высказывание Е.А. Земской, которая в 2011 году писала: «... язык современных газет может служить зеркалом современной российской жизни. Он отражает все то хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности: отказ от показухи и лицемерия, от казенного бюрократизма и безликости, демонстрирует раскованность, раскрепощенность, стремление выразить свое личное мнение, повышенную экспрессивность, порождающую и высокий гражданский пафос, и резкость, доходящую до грубости» [Земская 2011, с. 157]. ***Действительно ли автор диссертации считает, что данные характеристики можно однозначно перенести на актуальную ситуацию без каких-либо поправок, особенно если это касается официальных, т.н. «желательных» СМИ?***

В данной главе (п. 1.2.) диссертант осмысляет особенности современного медиатекста и специфику его функционирования в эпоху цифровых коммуникаций, рассматривает подходы к изучению медиатекстов, жанровые особенности медийных текстов, методы и методики анализа текстов СМИ. Здесь перечисляются важнейшие характеристики медиатекста, функционирующего в Интернет-пространстве, предлагаются определения медиатекста. Нужно подчеркнуть, что глава носит скорее констатирующий, нежели аналитический характер: не даются развернутые комментарии относительно представленных концепций, мнения представляются не всегда оценочно, концепция самого автора диссертации остается неявной. Хотелось бы отчетливого представления важных для автора теоретических положений, на которых строится диссертация: какие подходы актуальны не вообще, а для данной диссертации, какие жанры медиакоммуникации стали основной для исследования, какие характеристики медиатекста оказались актуальны для предпринятого исследования. Все это обобщенно представляется, но не фокусируется вокруг собственно концепции диссертационного сочинения.

Ключевой темой п. 1.3 является сущность портрета как феномена лингвопрагматического анализа. Вероятно, при перечислении исследователей, которые занимаются портретированием, следовало бы упомянуть имена таких ученых, которые посвятили многочисленные работы, в т.ч. монографические, об

образе России и других стран в политическом и медиадискурсе, о медиапортретах политиков и регионов (Э. В. Будаев, О. Н. Кондратьева, Н. Н. Кошкарлова, О. И. Михневич, О. А. Солопова, Н. Б. Руженцева, И. В. Савельева, А. В. Чепкасов и мн. др.). В этом же параграфе диссертант представляет методики портретирования региона, однако, на наш взгляд, недостаточно отчетливо проводит границу между языковой ситуацией, где объект исследования – собственно язык жителей региона, и языковым портретом региона в СМИ, формируемым конкретными языковыми единицами, т.е. средствами создания образа. Это два совершенно разных исследовательских плана: социолингвистический и лингвопрагматический. Смешение этих планов недопустимо с методологической точки зрения: у каждого из подходов – свои задачи, материал и методы исследования.

Недостаточно отчетливо диссертант проводит границу и между двумя заявленными терминами: медиапортрет и медиаобраз (стр. 33 дис.). ***Все-таки это одно или тоже или в этих понятиях есть принципиальная разница?***

Безусловным достижением автора диссертации является стремление упорядочить, представить системно разные аспекты медиапортрета и разнообразные единицы, его выражающие, что реализовалось в работе в виде системы признаков, обобщенных по разным параметрам (стр. 34 дис.). Однако, на наш взгляд, в представленной системе т.н. признаков (далее они названы составляющими медиапортрета) есть некоторые логические сбои. Так, связь языка и сознания является естественным механизмом речемыслительной деятельности человека, но не признаком медиапортрета; описание языковой семантики является исследовательской процедурой, но не признаком медиапортрета.

Некоторые положения в выводах по первой главе звучали впервые (типологические признаки СМИ, приоритетные факторы выбора источника и т.д. – стр. 41 дис.), они не были отражены в тексте самой главы.

Во второй главе «Новые слова и значения как основа моделирования медиапортрета республики Крым» рассматривается вопрос о вхождении в научный оборот понятия и термина *окказионализм*, представляются разные мнения ученых об этом понятии, разные подходы к осмыслению соотношения окказиональной лексики и неологизмов (широкий и узкий), перечисляются способы образования неологизмов (лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфологический, графикация). Далее автор формулирует собственную точку зрения на статус окказионализмов, подчеркивая их значение в современном медиадискурсе и описывает многочисленные лексические и лексико-синтаксические новообразования в медийных текстах.

Анализ материала второй главы позволяет сделать следующие замечания. При описании некоторых языковых единиц дается неполный, на наш взгляд, комментарий. Например: в п. 2.2 на стр. 54 дис. рассматривается пример *евроерундация*, указано на словосложение с элементом *евро*, но не указан отдельно элемент *ерунда*, не отмечена языковая игра, основанная на фонетическом сходстве: *эрундация* – *ерундация*. Довольно часто примеры просто перечисляются, фиксируется способ словообразования, но мотивирующая основа или мотивационный признак не указывается (это касается слов *министропад*

по аналогии с *листопад*, *снегопад*; Крымотрясение по аналогии с *землетрясением*; *народны* от *народные депутаты* и т.д.). Все это, конечно, подразумевается, но важно ведь не только указать способ образования, но и отметить типичность словообразовательных моделей для русского языка и их продуктивность в речи.

Параллельно необходимо было бы указать стилистическую окраску новообразований: очевидно, что суффиксы *-щин(а)* и *-оид* имеют пренебрежительную окраску: *нургалиевщина*, *жириновщина*, *клинтоноиды*, однако комментария нет. Хотелось бы вообще получить данные об аксиологическом потенциале собранных единиц: **сколько с позитивной окраской** (есть ли они вообще, ведь политический дискурс часто носит конфронтационный характер, часто лексемы имеют исключительно агрессивный потенциал), **сколько с негативной окраской? Что преобладает?**

В данной главе выделены наиболее и наименее продуктивные способы образования окказиональной лексики в текстах современных СМИ, количественные показатели отражены на Графике 1 (стр. 56 дис.), однако для удобства восприятия обычно количественные показатели представляют также в процентном соотношении, это делает их более наглядными.

Некоторые положения второй главы остаются без подтверждения фактами. Например, на стр. 57 указано: «...существует много исследований, посвящённых новообразованию *Крымнаш*», но ссылок на данные исследования нет.

В п. 2.2.2 высказывается интересное предложение автора включить в толковый словарь единицы *Крымнаш*, однако в дефиниции, сформулированной на стр. 58 дис. («...политическая ситуация, возникшая после референдума в Крыму и характеризующаяся как с позитивной, так и с негативной оценкой в зависимости от социополитических предпочтений интерпретатора) нет акцента на семантике принадлежности (*наш*). Неясно, **для какого конкретно словаря предлагается эта дефиниция: Словарь политического языка 21 века или обычный толковый словарь?**

Некоторые единицы, описанные во второй главе, получили описание с точки зрения оценочного потенциала, но указание на оценочные смыслы могло бы быть более дифференцированным. Так, например, автор указывает на пейоративный характер оценки выражений с единицей *Крымнаш* и ее дериватов, однако разница в оценочном потенциале у этих единиц колоссальная. В контексте: *Банк России монетизировал «крымнашевский» патриотизм, выпустив в обращение 10 миллионов штук монет с изображением символа Крыма – Ласточкиного гнезда – на фоне полуострова* (Новый Крым, 25.05.2015) – выражается ирония, легкая пренебрежительность; чего не скажешь о слове *крымнашист* (образовано по аналогии с *фашист*). Уже сама единица носит серьезный оценочный (обличительный, агрессивный) потенциал, соответствующую коннотацию имеют и контексты: *Мировая пресса о Крыме: итальянские «крымнашисты» и срок для отчета Поклонской* (РИА Крым, 29.06.2016).

Вероятно, если речь шла о комплексном анализе, можно было бы подчеркнуть развитие у неологизмов падежной системы. Так, у лексемы *Крымнаш*

развиваются формы не только им. падежа, но также предложного, творительного, ср. примеры на стр. 58 дис.: *Новости Крымнаша* (название заблокированного в России Интернет-блога); *Коротко о «Крымнаше»*; *Сбербанк объяснил проблемы банковского сектора «крымнашем»* (Крымские известия, 02.06.2015); *Как россияне живут с «крымнашем»* (Спутник в Крыму, 18.03.2019).

На стр. 64 дис. наблюдаются некоторые неточности: «...можно сделать вывод, что языковая единица «блэкаут» в 2015 году стала одной из ключевых лексем, входящих в объем общественно-политической лексики, и до сих пор находит свое отражение в русскоязычном медиaprостранстве». Подчеркнем, что актуализация этой единицы в медиадискурсе в связи с Крымом – преувеличение. В НКРЯ находим массу примеров до 2015 года (только в газетном подкорпусе фиксируется более 20 единиц в источниках до 2015 года). Вот некоторые примеры: *Хроника ЧП. Бердский «блэкаут»: как это было 19 марта... (2011 г.)*; *Причины блэкаута в Санкт-Петербурге расследует специальная комиссия... (2014 г.)*; *Новогодний блэкаут, ставший следствием ледяного дождя и последовавшего за ним сильного снегопада, может стоить экономике страны до 2 млрд руб. (2011 г.)*; *Блэкаут в Петербурге произошел из-за старого кабеля, заменить который стоит копейки... (2010 г.)* и т.д. Хотя, конечно, после ситуации с энергетическим кризисом в Крыму единица стала еще более частотной, но нового значения она не приобрела, неологизма здесь нет, во всех контекстах речь идет об энергетическом кризисе, ср. примеры из НКРЯ: *В Минске включили интернет: минус \$170 миллионов за три дня. Что показал поствыборный блэкаут в Белоруссии (Крым.Ру, 12.08.2020)*; *Сквозь град и неожиданный блэкаут: Латвия выходит из режима ЧС (РИА-РУ, 10.07.2020)*; *Тотальный блэкаут. Что ждет энергетику и человечество в случае солнечной бури (Energy.media, 10.03.2019)*. Вывод на стр. 64 – 65 дис. о расширении сфер применения данной лексики и сфер ее реализации, о трансформации ее значения вряд ли обоснован.

Заметим: материал собран уникальный, просто великолепный, но не все единицы получают в работе подробный лингвистический комментарий, не всегда указываются единицы, мотивирующие появление новообразования, нет подробного анализа приемов отмеченной языковой игры (например, на стр. 61 приводится пример *Крымнаш или Нам крыш?*, но не указана метатеза с каламбуром. Подробный лингвистический комментарий значительно бы украсил работу.

Есть еще некоторые замечания частного характера: повторение некоторых моделей в разных разделах (с *инговой* финалью, с суффиксом *-щин(а)*); сомнительно определение некоторых способов словообразования (например, с элементом – *мания*: *Дзюбомания, деньгомания*, здесь нет суффиксации; нет капитализации в единице *оффшорные* счета; не являются аббревиацией такие единицы, как *Ноябрьфест, Книгофест, Крымфест, федуниверситет* и т.д.; неверно, на наш взгляд, причисление некоторых слов к новообразованиям (например: *банкинг* – это скорее заимствование, чем словообразовательный неологизм, в банковской системе слово часто используется: *Интернет-*

банкинг, банкинг-онлайн и т. д.). Есть это слово, кстати, и в других славянских языках, оно функционирует как заимствование в банковской сфере.

В разделе 2.5, который называется «Ключевые слова эпохи в зеркале актуального медиапространства», представлены не только слова, но и словосочетания (*Крымская весна, Русская весна, Крымский мост, Вежливые люди, Зеленые человечки, Третья оборона Севастополя*) и даже предикативные конструкции (*Крым вернулся в родную гавань*).

Замечаний частного характера по второй главе довольно много, но нельзя также не подчеркнуть, что, во-первых, был собран удивительно интересный в лингвистическом плане материал; во-вторых, автором предпринята вполне успешная попытка привести весьма разнородные факты в систему, которую вряд ли способны сломать некоторые неточности.

Глава 3 «Образная составляющая медиапортрета республики Крым» представляет анализ семантико-прагматического и аксиологического потенциала метафорических выражений и прецедентных феноменов (далее – ПФ), участвующих в моделировании медиапортрета Крыма.

При анализе выразительных средств, моделирующих позитивный или негативный образ Крыма в текстах русскоязычных СМИ, автор диссертации практически не прибегает к методам лексикографического анализа или интервьюирования. Возникает вопрос: *как технологически определялся аксиологический потенциал отобранных единиц?* Исключение делается только в отношении единицы *колыбель*, анализ которой осуществляется с привлечением словарных данных.

Некоторые метафорические выражения с единицами *сердце, душа*, относящиеся к эмоциональной сфере, причислены к ментальной, ср.: «Именно поэтому, как нам кажется, настолько частотными представляются метафоры, связанные с ментальной сферой человека: Светлана Савченко: Крым – это *душа* России (<http://politika-crimea.ru/s/795-savchenko-svetlana-borisovna-dose/51820-svetlana-savchenko-krym-eto-dusha-rossii>, 18.05.2019); Крым – это *сердце* в груди России (<https://pro.ru/2017/07/20/309>, 20.07.2017); Крым – *сердце* России (<https://zen.yandex.ru>, 29.04.2020)».

Невозможно удержаться, чтобы не выразить сожаление об упущенной автором диссертации возможности прибегнуть к терминологии и классификации, предложенным исследователями-предшественниками, весьма авторитетными учеными. В частности, к работам А.П. Чудинова (в библиографии эти работы указаны!), который разграничил разные виды метафоры: антропоморфную, социоморфную, природоморфную, артефактную. Так, к артефактной (доместической) метафоре можно отнести выражение *возвращение Крыма домой*; культурологической – выражения *Крым – муза русских поэтов, Крым – ярчайшая страницы в истории русской культуры и литературы*. К природоморфной метафоре можно отнести, например, выражения *Крым – жемчужина; гидронимной (мариинстической) – Крымские порты планомерно «идут ко дну»*. Антропоморфной (или социоморфной – в разных интерпретациях) является метафора семьи: *Крым – любимый ребенок*; к военной метафоре может быть отнесено выражение *Крым – это бомба замедленного действия*; к

социоморфной – *В Украине мы предатели, в России – нахлебники* и т.д. Вероятно, применение подобной методологии помогло бы диссертанту еще более удачно систематизировать материал.

При анализе ПФ автор отмечает наибольшую продуктивность текстов с прецедентными топонимами – гидронимом *Рубикон*, оронимом *Голгофа* и наименьшую продуктивность антропонимов (*Моисей, Иуда, Каин и Авель*). Кроме библеизмов, отмечаются прецеденты мифологического происхождения: *ахиллесова пята, Царство Аида, ящик Пандоры, Троянский конь* и др.

Описание ПФ в работе серьезных замечаний не вызывает, однако некоторые вопросы, вызванные интересом к выделенным фактам массовой коммуникации, возникают: *почему, по мнению, автора диссертации, ситуация присоединения Крыма описывается с привлечением образов и символов мирового значения – мифологем и библеизмов? Действительно ли не было выявлено прецедентов, например, из литературных или киноисточников?* Кстати, в заключении автор их упоминает (ср.: «Вывод 5. Показательно, что активными при моделировании контекстов с указанными языковыми единицами становятся высказывания из литературных произведений, фразы из кинофильмов, фразеологические обороты, крылатые выражения, которые в трансформированном виде или с дополнительной семантикой отражают актуальные проблемы региона или иные социально-политические реалии»), но в тексте диссертации примеров таких фактов нет, рассмотрены только мифологические и библейские ПФ.

В заключительной части диссертации приводятся выводы исследования и графики, представляющие собранный материал. Графики, конечно, выполнены весьма эффектно, но никакой научной информации, кроме констатации языкового факта, они не несут. Такие изображения уместны в иных жанрах коммуникации, но не в научных тестах. В заключении, на стр. 121, также указано: «Медиапортрет Крыма – образ Крыма в информационном пространстве, зафиксированный на определенном временном срезе, переосмысленный носителями языка, а медиапортретирование представляет собой разноаспектное многоуровневое явление, представленное в комплексе экстралингвистических и интралингвистических составляющих», однако отчетливо (списочно) комплекс экстралингвистических и интралингвистических составляющих в диссертации не представлен. Мы бы предложили диссертанту представить данный перечень на защите.

Итак, обобщим сказанное. Диссертация представляет уникальный, интереснейший в лингвистическом плане материал, то есть вводит в научный оборот определенный корпус новых речевых фактов; автором предлагается систематизация собранного материала в виде соответствующих конкретным языковым фактам классификаций; диссертант упорядочивает данные, полученные в результате анализа материала, в виде системы признаков и составляющих медиапортрета региона, которую можно считать оригинальной и в целом, если исключить некоторые неточности, имеющей право на существование.

Подводя итоги, в дополнение к предыдущим зададим два интересующих нас вопроса: 1) *Что является перспективами исследования?* 2) *Не*

